

Глава 1

Тулуза. 1205–1218 гг.

Пятилетняя зеленоглазая девчушка, открыв ротик, восторженно смотрела на сказочную фею в переливчатой шелковой котте. И на ее пояс — широкий, сколотый на бедре массивной пряжкой и сиявший разноцветными камнями и золотой вышивкой. Такого у ее мамы не было!

— Познакомься, Сабина, со своей родной тетей — баронессой де Лонжер! — Мать натянуто улыбнулась и слегка подтолкнула девочку вперед.

Сообщение о том, что стоявшая перед ней шикарная сеньора еще и ее родная тетя, весьма ошеломило маленькую Сабину, и вежливые фразы, которые она заучивала с мамой последние несколько дней, окончательно перепутались в детской головке. А Агнесса де Лонжер — молодая, уверенная в себе женщина, — не дождавшись от племянницы ответа, но увидев в ее распахнутых глазках неподдельный восторг, тепло улыбнулась.

— Будем знакомиться? — Наклонившись, она нежно погладила ребенка по медовым кудряшкам. — Называй меня «тетя Агнесса». Скоро проснется твоя кузина; надеюсь, вы подружитесь. А пока я покажу вам дом, в котором вы отныне будете жить.

Взяв племянницу за руку и бросив на сноху колючий взгляд, баронесса повела их по дому — великолепному двухэтажному особняку, расположенному в богатом квартале Тулузы.

Они прошли по роскошному залу с мраморным полом и огромным камином, осмотрели спальни с широкими кроватями под темными балдахинами, заглянули в кабинет баронессы с многочисленными книжными полками и массивным столом. Не было счету напольным бронзовым подсвечникам, ажурным люстрам, свисавшим на длинных цепях с высоких потолков, разноцветным сундукам и бархатным подушкам, лежавшим на резных скамьях. Восхищенной девочке не терпелось потрогать потрясающие своей красотой предметы, которыми был украшен волшебный дворец, но она сдерживалась: главное сейчас — продемонстрировать тете хорошее воспитание. Нельзя допустить, чтобы из-за ее шалостей их с мамой выгнали на улицу. В изумительной конюшне девочка даже до боли прикусила губу: в теплых стойлах стояло несколько хорошеньких лошадок, и ей очень захотелось их погладить.

Но больше всего маленькую Сабину очаровал ухоженный пестрый сад, куда они вышли через резные двухстворчатые двери, выполненные в мавританском стиле. Дом баронессы находился в центре шумного города, но в огороженном высокой стеной саду было на удивление тихо, лишь пение невидимых птиц услаждало слух. Аккуратная аллея, окруженная с двух сторон фигурно подстриженными кустами самшита, вела к небольшому водоему с мозаичным дном, вокруг которого несли торжественную вахту белоснежные фигуры языческих божеств. Стояла середина лета, и упоительный воздух, казалось, был соткан из ароматов созревающих фруктов, сочной зелени и цветущего жасмина. Задрав голову, девочка шумно втянула в себя сладкие запахи и с наслаждением ахнула, подражая взрослым. Женщины засмеялись, а Сабина, забыв о намерении вести себя сдержанно, высвободила руку и помчалась за красавицей-бабочкой, порхавшей над яркой цветочной клумбой. Агнесса воспользовалась этим, для того чтобы внести ясность в свои отношения с женой брата.

— Мадам Мадлен! Во избежание недоразумений между нами выскажусь сразу. Я очень любила своего брата — вашего мужа, — царствие небесное ему и всем рыцарям, погибшим в том ужасном походе на Константинополь. А эта зеленоглазая егоза, так похожая на Робера, уже запала мне в душу, — и она кивнула в сторону племянницы, которая успела поймать кузнечика и теперь пытливо глядела на него, — однако с вами я почти не знакома, а значит, не испытываю к вам каких-либо чувств, особенно родственных. Поэтому не ждите от меня нежностей. Но в остальном вы будете обеспечены. Я выделила несколько удобных комнат для вас и ваших слуг. Кстати, сколько их у вас?

— Двое: моя камеристка и няня Сабины, — опутив глаза, ответила Мадлен виновато: горести и лишения сделали ее робкой и покорной.

— Замечательно! Двух помощниц вам вполне достаточно, а учиться Сабина будет вместе с моей дочерью, которая старше ее всего на год. Вот и она!

Под надзором строгой няни в сад вошла девочка, похожая на куклу, и лицо Агнессы, мгновенно смягчившись, озарилось приветливой улыбкой. Поправив на дочери ярко-желтое, расшитое серебряными колокольчиками платьице, она весело крикнула племяннице:

— Сабина, познакомься со своей кузиной Аделаидой!

Подбежавшая малышка, одетая в застиранное и не раз перешитое платье, вопреки ожиданию даже не посмотрела на великолепный наряд сестры, а сразу заглянула ей в глаза. Аделаида посмотрела на полунищенское одеяние кузины, и ее личико поначалу сморщилось в брезгливой гримасе, но под пристальным зеленоглазым взглядом постепенно разгладилось, а после того, как Сабина неожиданно хмыкнула, и вовсе просияло улыбкой. Смех мгновенно растопил неловкость, и дочь хозяйки предложила своей новой подружке полюбоваться огромным кустом шиповника. Девочки умчались, и Агнесса облегченно выдохнула: они поладят.

Мадлен не обиделась на золовку, понимая, что в смерти брата, точнее в том, что тот сбежал из собственного дома, Агнесса винила прежде всего ее.

Мадлен родилась в многодетной семье бедного рыцаря, и у нее почти не было шансов выйти замуж за ровню. Но, не особо огорчаясь по этому поводу, она меланхолично плыла по течению, пока Робер — отважный рыцарь с мощным зарядом жизнелюбия — не пленился ее идеальной красотой. В порыве всепоглощающей страсти он решил жениться на Мадлен без всякого приданого, и родители невесты, посчитав это подарком Господа, немедленно сыграли свадьбу.

Однако шумные торжества быстро закончились, а вскоре улетучился и хмель новизны. Молодая хозяйка небольшого замка, затерянного среди густых лесов Шампани, впала в привычную томную задумчивость, и страстная влюбленность Робера стала гаснуть. Мадлен замечала, как его задорный смех, от которого, казалось, сотрясались стены дома, все чаще разбивался о ее рассеянную улыбку. Даже дочь, родившаяся через год, не помогла женщине привязать к себе деятельного супруга. Окончательно заскучав в собственном доме, Робер с облегчением ухватился за идею отправиться в новый военный поход на Восток¹. Без сожаления заложив замок, рыцарь купил боевого коня и прочные доспехи и, нашив на левое плечо крест, умчался за новыми впечатлениями.

Оставшись без поддержки мужа, Мадлен, не обладавшая даже намеком на хозяйскую жилку, еще больше залезла в долги и окончательно запуталась. После известия о том, что Робер де Фруа погиб на стенах Константинополя, кредиторы безжалостно отобрали поместье, выставив вон его бывшую владелицу с малолетней дочерью. Агнесса же — воздай ей, милосердный Господь, за ее доброту! — узнав о злключениях близких родственников, тут же пригласила их к себе.

¹ Имеется в виду Четвертый крестовый поход (1202—1204).

Племянница золовке понравилась, и Мадлен обрадовалась этому. Пусть на нее самую обрушатся все проклятия мира, лишь бы дочь росла в достатке и, получив достойное воспитание, удачно вышла замуж. Успокоенная, женщина навсегда погрузилась в мир грез и молитв и тихо семенила во вдовьем покрывале между своей комнатой и маленькой часовней неподалеку от особняка.

* * *

Заметив странности непрактичной снохи, баронесса де Лонжер поняла, что отныне заботы о воспитании и будущем племянницы лягут на ее плечи. Но не смутилась, потому что искренне полюбила смышленную девочку и, держа слово, действительно не делала разницы между дочерью и Сабинной. Последняя легко выучила латынь и язык южан — *lange d'oc*¹, и читала на нем почти все свободное время. Не забывала баронесса и о языке своего детства — северном диалекте франкского — *lange d'oil*. Ведь неизвестно, за кого девочки выйдут замуж.

Вскоре они приступили к освоению тривиума, состоявшего из риторики, диалектики и грамматики, для чего баронесса, не скупясь, пригласила знаменитых монахов, прославившихся своей преподавательской деятельностью. Аделаида первое время капризничала, не желая учиться, но, увидев увлеченность и успехи кузины, постаралась не отставать от нее.

— Молодец, доченька! — похвалила ее Агнесса, зайдя однажды на урок в классную комнату. Она прослушала процитированный Аделаидой большой отрывок из «Энеиды» и приятно удивилась. — В награду за ваши успехи в учебе... Ведь ваши воспитанницы делают успехи, брат Анри?

— Несомненно, — улыбнулся одними глазами седовласый монах, — и они достойны поощрения.

¹ Жители южной Франции произносили слово «да» как «ос» (на севере — *oil*). Отсюда произошло название провинции — Лангедок (страна языка ОК, на французском — *lange d'oc*).

— Мы совершим путешествие в Ним, где вы увидите изумляющий своими размерами римский акведук — Пон-дю-Гар, несущий воду в город.

Девочки, обожавшие подобные поездки, завизжали от восторга и закружились по комнате. Заметив, что наставник укоризненно покачивает головой, Сабина сразу же успокоилась, а вот Аделаида продолжала хлопать в ладоши. Столь необузданное поведение дочери живо напомнило Агнессе о покойном муже.

Своего Бертрана она встретила в Париже, вскоре после того, как Филипп Август приехал из Палестины¹. Король вернулся очень больным, поэтому никаких торжеств не было, однако вассалы приезжали отовсюду, чтобы выразить верноподданнические чувства, а главное — разведать обстановку. Робер де Фруа был одним из таких визитеров. Недавно вступивший в наследство и теперь наслаждавшийся ролью хозяина — дело было задолго до его собственной женитьбы, — он решил показать младшей сестренке Париж. На одном из пиров в королевском дворце Робер быстро поладил с бароном де Лонжером, как неизменно ладил со всеми, и с жизнерадостным нахальством познакомил его со своей сестрой. Рассудительная красивая девочка с большими ореховыми глазами запала в душу немолодому Бертрану, и благодаря безудержному славословию Робера вопрос о браке вскоре был решен.

Через два года, достигнув пятнадцатилетнего возраста, Агнесса оказалась на незнакомом Юге и сразу же в него влюбилась. Особенно в Тулузу, опоясанную кольцом красноватых крепостных стен, словно девица нарядной лентой, и кокетливо жавшуюся к правому берегу Гаронны. Этот потрясающий город, выстроенный в центре южных торговых путей из розового камня, со своими соборами, высокими колокольнями, широкими площадями и благоухающими садами никого не оставлял равнодушным. Юная северянка также влюбилась

¹ Речь идет о Третьем крестовом походе (1189—1192), из которого Филипп Август вернулся в конце 1191 г.

в этот город-мечту, где они с мужем проводили зиму. Летом же барон и его жена переезжали в крепкий горный замок на юге Тулузского графства.

Разница в возрасте не помешала супругам установить между собой доверительные отношения, и постепенно Агнесса взяла бразды хозяйственного правления в свои руки. Бертран не возражал. У его жены была крепкая деловая хватка, и отныне, отправляясь в военные походы, он без страха оставлял замок и особняк в Тулузе на нее.

Двое их детей умерли еще в колыбели, но третий пережил опасное младенчество. Бертран души не чаял в кареглазой дочери и уже присматривал для нее женихов, но погиб, едва Аделаиде исполнилось три года, в Пиренеях во время обычного рейда под предводительством графа Тулузского: лошадь барона поскользнулась и вместе с седоком свалилась в пропасть.

Щепетильный Раймон Тулузский, чувствуя косвенную вину в смерти своего верного вассала, старательно помогал его вдове. И Агнесса окончательно обосновалась в столице графства, оставив замок, расположенный в горах, на попечении сенешаля. Благодаря своей смекалке и щедрым заботам графа баронесса значительно преумножила унаследованный капитал, так называемую вдовью долю¹, и зажила на широкую ногу. Когда закончился положенный траур, обожавшая светскую жизнь Агнесса вновь окунулась в вихрь развлечений и стала завсегдатаем знаменитых пиров в Нарбоннском замке².

Дух утонченной светской культуры, так называемой куртуазности, был в жизни знати основополагающим. Хотя почти все аристократы считали себя истинными католиками, они вполне лояльно и даже с любопытством относились к инакомыслящим, в том числе и к катарам. Тон задавал умный,

¹ Бесспорными наследниками всего состояния были дети, супруга же получала после смерти мужа имущество, именуемое «вдовой долей» и оговоренное в брачном контракте, иногда дополненное в завещании.

² Главная резиденция графов Тулузы, разрушенная в XVI веке.

красноречивый, обаятельный хозяин Тулузы — граф Раймон де Сен-Жиль, образованнейший человек своего времени.

Начитанная мадам де Лонжер также слыла тонкой ценительницей поэзии трубадуров и остроумной собеседницей, непринужденно дискутировавшей о литературе, архитектуре и даже философии, а ее подкупающее жизнелюбие и искрометный юмор служили украшением графских пиров.

Однажды, находясь под воздействием лишнего кубка вина (а может, мерцание свечей окутало красавицу Агнессу магическим флером?), граф Раймон воспылал к ней страстью. Тщеславие баронессы пропело победный марш, и она ответила на его чувство. Она и прежде имела возможность убедиться в легендарной щедрости графа, после того же, как Агнесса стала его любовницей, на нее пролился обильный золотой дождь. В качестве постоянной денежной ренты властелин Юга передал ей половину пошлины от торговли сукном в Тулузе. Воистину царский подарок! Однако его любовь оказалась столь же быстротечной, сколь и страстной. Охладев к Агнесе, Раймон стал терзаться угрызениями совести, не зная, как завершить прискучившие ему отношения. Но внимательная женщина вскоре избавила его от нежелательного замешательства.

— В последнее время, мессир, вы все больше скучаете рядом со мной, о чем красноречиво говорит ваш взгляд. Меня это удручает.

— Вам показалось, дорогая Агнесса. Возможно, это просто усталость, — ответил Раймон, однако смущение противоречило его словам.

— Раймон, вы считаете меня умной женщиной? — поинтересовалась Агнесса, с загадочной полуулыбкой поглаживая себя по шее кончиком толстой косы.

— Безусловно, вы одна из умнейших дам при моем дворе! — Граф охотно прибегнул к лести, желая уйти от неприятного разговора. Он зачарованно следил за движением каштановых волос в женских руках.

— Тогда не лукавьте со мной! Я достаточно хорошо вас знаю и не собираюсь обременять...

— Но, мадам, вы неправильно меня поняли...

— ...и предлагаю вновь вернуться к исключительно дружеским отношениям.

Раймон нравился Агнессе как правитель и друг, но совершенно не впечатлил ее в роли любовника. Однако эти откровения мудрая баронесса, разумеется, оставила при себе. Граф же, не подозревая об истинных причинах, повлиявших на ее решение, проникся к Агнессе уже несокрушимым уважением, и это еще сильнее укрепило их дружбу на долгие годы.

* * *

— Жаннета, тебе больше нечем заняться?! — раздраженно воскликнула Агнесса, увидев у двери посудомойку, — та сидела на низеньком табурете и чистила песком закопченный котел.

Служанка, захлопав ресницами, залепетала что-то в свое оправдание, но рассерженная баронесса, не удосужившись ее выслушать, быстро вошла в жаркую и шумную кухню, где все шипело и булькало. Висевшие на стенах сковородки, кастрюли и черпаки сияли начищенными боками, а вереницы кувшинов, горшков и мисок, расставленных на полках, соперничали друг с другом разнообразием форм и размеров. Пройдя возле гигантского очага и споткнувшись о тяжелые щипцы, Агнесса негромко чертыхнулась и принялась отыскивать глазами главного повара среди бесчисленных слуг, бросившихся в разные стороны под ее грозным взглядом. Наконец она заметила повара возле стола, на котором покорно лежала огромная щука.

— Мартин, у твоих помощников нет более важных дел? — Агнесса сердито тронула его за плечо и махнула рукой в сторону испуганной посудомойки.

— Не люблю грязную посуду, — устало улыбнулся невысокий мужчина, вытерев капли пота на круглом добродушном лице. — Не волнуйтесь, моя сеньора, мы работаем без отдыха, и уже почти все готово.

— Ты уверен, что вы успеете?

— Конечно. Вы и ваши гости останетесь довольны. — И Мартин, не совсем вежливо отвернувшись, вновь сосредоточился на шукке, намереваясь сотворить из нее кулинарный шедевр.

Взгляд хозяйки потеплел. С удовольствием втянув ноздрями аппетитный запах томившейся в горшочке на углях мясной подливы, щедро сдобренной чесноком и ароматными пряностями, баронесса отправилась взглянуть на слуг, занимавшихся украшением большого зала и сервировкой праздничного стола.

Агнесса ждала в гости графа Тулузы. Вчера он прислал к ней гонца со связкой битой дичи — видимо, после удачной охоты — и запиской, извещающей о его намерении поздравить дочь баронессы со вступлением в брачный возраст. Это было лишь предлогом, но предлогом обескураживающим! Каким образом граф — после несчастий, обрушившихся на него за последние три года, — помнил такие мелочи, как возраст детей своих вассалов? Разумеется, Агнесса догадалась об истинной цели визита. Смертельно уставший Раймон искал у подданных утешения и поддержки, чтобы, напивавшись их теплом, продолжить борьбу.

Длившаяся более двух лет война истощила его моральные силы. Как ловко римский понтифик натравил одну половину Франции на другую под благовидным предлогом искоренения катарской ереси в Лангедоке!

Целый год Раймон де Сен-Жиль пытался предотвратить войну, ведя переписку с Иннокентием Третьим и лично встречаясь с королями Франции и Арагона, а также с влиятельными баронами Юга. При этом граф согласился даже на унижительную процедуру прилюдного покаяния после очередного отлучения от Церкви¹. Презрев муки самолюбия, гордый владыка Лангедока, по пояс обнаженный, с веревкой на шее, смирен-

¹ Графа Раймона VI Тулузского отлучали от Церкви шесть раз.

но прошел сквозь скопище ротозеев. Фанатичная толпа безжалостно бичевала его пучками розог и злобно шипела, пока он на коленях каялся перед разобиженными церковниками. После пережитого кошмара граф надеялся на диалог. Говорили, что он способен убедить даже мраморную статую в соборе, но властолюбивый папа Иннокентий Третий оказался прочней каменного изваяния.

Война все-таки разразилась!¹

Герцог Бургундии и несколько графов, откликнувшись на призыв понтифика, отправились воевать в Тулузское графство, но после окончания карантина² сразу вернулись на свои земли: уничтожать братьев во Христе им было не по нраву. Лишь странный Симон де Монфор, назначенный осенью 1209 года предводителем этого похода, продолжал завоевывать Юг.

Месяц назад Иннокентий Третий снова отлучил Раймона от Церкви³. Но даже после этого миролюбивый граф не оставлял надежды избавить свой народ от военных бед и вновь и вновь пытался договориться с папскими легатами. Безрезультатно. Не сегодня-завтра Симон де Монфор возьмет Лавор, затем Кассе, а затем останется лишь Тулуза...

Агнесса отогнала печальные мысли: грусть — плохой помощник. От нее ждут тепла, и она приложит все усилия, чтобы сделать сегодняшний вечер незабываемым.

Едва село солнце, как с улицы донесся искренний, заразительный смех графа Тулузского. Посмотрев украдкой в окно, Агнесса увидела на ярко освещенном факелами дворе, как Раймон, спешившись, от души хлопнул по крепкому заду пробежавшую мимо служанку.

¹ Альбигойская война (1209—1229) состояла из нескольких военных кампаний. Целью крестовых походов, инициированных папством, было искоренение альбигойцев (катаров) и их вероучения, которое начисто отрицало догматы католицизма, а потому представляло угрозу для Римской церкви.

² Обязательный сорокадневный срок военной службы вассала.

³ Это произошло 17 апреля 1211 года.